КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ТРЕТЬЯ СТУПЕНЬ ЗНАНИЯ. — СЕРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

А. ТЮМЕНЕВ

ВВЕДЕНИЕ В ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

„КНИГА“

ПЕТРОГРАД, пр. 25 октября, 74, тел. 1-34-34. **МОСКВА,** Тверская, 38, тел. 2-64-61.

ТИПОГРАФИЯ
„КРАСНЫЙ ПЕЧАТНИК“
ПЕТРОГРАД
Международн., 75
Главлит. № 5421
3000 экз.

ВВЕДЕНИЕ В ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ[1].

Существует обыкновение всякий исторический курс начинать с обзора литературы вопроса. Такой обзор знакомит слушателей с состоянием научного исследования, сразу вводит их, так сказать, in medias res темы курса, сразу дает им возможность ориентироваться в предмете и позволяет, таким образом, не довольствуясь слушанием лекций, приступить и к самостоятельному изучению предмета. Но если вообще обзор литературы вопроса является лучшим введением в изучение любой эпохи, любой области истории, то в отношении той исторической темы, на которой я собираюсь остановить ваше внимание, такое введение представляется вдвойне необходимым. Оно необходимо прежде всего потому, что изучение экономической жизни древней Греции началось сравнительно недавно и не привело еще ни к каким определенным и окончательным результатам, причем даже в оценке основных ее фактов и явлений исследователи решительно расходятся между собою и приходят к диаметрально противоположным выводам. Предмет нашего курса — предмет новый и, потому, заключает в себе немало спорных и нерешенных проблем.

Правда, античный мир и прежде всего жизнь древней Греции не только в новое время, но и в течение всей средневековой эпохи, не исключая и моментов наибольшего упадка мысли, привлекала к себе исключительное внимание, правда, изучение древности уже давно обособилось в отдельную науку, являющуюся едва ли не самой старшей из всех современных наук, тем не менее, несмотря на это, экономическая и в значительной мере и социальная сторона жизни древней Греции оставалась до последнего времени почти совершенно неизученной. Мало того, можно сказать, что именно этот интерес, именно это увлечение античностью, прежде всего во всех ее высших достижениях и проявлениях, способствовало в значительной мере тому, что экономическая, материальная сторона античной культуры оставалась совершенно в тени и даже, можно сказать, намеренно замалчивалась и избегалась.

Смутное сознание превосходства завещанной древностью культуры в средние века, восторг, вызванный открытием древних памятников в эпоху возрождения, влияние, какое оказали искусство и литература античного мира на развитие искусства и литературы нового времени, наконец, увлечение политической жизнью Греции, как идеалом политической свободы, в век, деспотизма — все это окружало древнюю Грецию таким ореолом, который мешал присмотреться к действительной жизни древних греков, мешал беспристрастному исследованию этой жизни во всей ее полноте, во всех ее проявлениях. В древней Греции видели идеал, в ее искусстве и литературе, в ее общественных и политических деятелях — образцы, которым позднейшим поколениям оставалось только подражать. Как во всяком идеале, и в жизни античного мира видели только положительные стороны, а, если в этой жизни случайно обнаруживались те или иные отрицательные явления, на них намеренно или ненамеренно закрывали глаза, их игнорировали или не замечали. Вот почему, если вообще в эпоху ренессанса и в последовавший за нею век просвещения изучение экономической жизни было не в фаворе и не останавливало на себе внимания, то исследование материальных условий существования древних греков наверно показалось бы в то время настоящим святотатством.

Оставим в стороне гуманистов, относившихся к древности с исключительным благоговением, оставим в стороне XVII век, век ложного классицизма и подражания греческим литературным образцам. Обратимся сразу к XVIII веку. Даже в этот рассудочный век греки попрежнему остаются окруженными ореолом, причем, соответственно изменившимся интересам времени, на первое место выступает увлечение политической

[1] Вступительная лекция к курсу экономической истории древней Греции, читанному в Петроградском Университете в осенний семестр 1922 года.

жизнью и политическими деятелями древней Греции. „Основная черта древности, читаем мы у Монтескье, заключается прежде всего в господстве характеров, в господстве политической свободы: это — великие данные, которые не идут в сравнение с современными благами мягкой удобной рефлектирующей жизни. Обладание ими, напротив, тревожно и страшно, жизнь эта — грандиозна и бурна. Свободное управление — вечно беспокойное. В древности совершались дела, каких мы не видим более, которые поражают слабые души наши“. Итак, древние греки представлялись Монтескье в виде каких-то исключительных титанических натур. В другом месте он прямо говорит об „огромных колоссах древности“. Впоследствии, в эпоху революции древность продолжала служить идеалом. Известно, на какие ходули становились деятели революции, чтобы подражать древним героям. Биографии Плутарха составляли в это время настольную книгу, которой зачитывалось и на которой воспитывалось юношество.

В Германии начало такому же культу древности положил Винкельман своей известной „Историей искусства древности“ (Geschichte der Kunst des Alterthums, 1764 г., перевод в приложении к журналу „Гимназия“, Ревель, 1890 г.). Гёте видел в древнем греке идеал современного человека. Современник Гёте, Жан-Поль Рихтер находил, что современное человечество „погрузилось бы в бездонную пропасть, если бы юношество на пути к ярмарке жизни не проходило бы предварительно через тихий храм великой классической старины“.

В главах романтически настроенного поколения этого времени древняя Греция, говоря словами Виламовица (Aristoteles und Athen, I, S. 378), представлялась „страной прекрасных, возвышенно настроенных мужей и юношей, которые поклонялись красоте и жили среди грез о прекраснейшей жизни, между тем как над ними улыбалось вечно голубое небо“. Такое односторонне восторженное представление о жизни древней Греции, естественно, отражалось и на отношении к ней со стороны представителей исторической науки, непосредственно сказываясь как на предмете, так и на приемах исследования. Внимание исследователей прежде всего привлекали, с одной стороны, литература, искусство, мифология (Ф. Вольф, К. О. Мюллер, Велькер, Лобек), с другой — политическая история. Экономическая и социальная стороны попрежнему игнорировались. Народа, его повседневной жизни и интересов для исследователей древности вообще не существовало. Древняя Греция представлялась исключительно страной творцов, художников, поэтов, мыслителей, выдающихся политических деятелей. В то время как в изучении истории новых народов личный элемент отступает на задний план перед изучением народной, в частности хозяйственной, жизни, в истории древности „великие люди“ и их судьбы еще долгое время продолжают заслонять собою жизнь народа, их личные качества и деятельность попрежнему признается решающим историческим фактором, от которого зависят судьбы народов и государств.

Даже Нибур, этот трезвый мыслитель, этот первый критический ум своего времени, впадает в панегирический тон, лишь только речь заходит о древней Греции (Vorträge über alte Geschichte, на русском языке статья об этих лекциях Т. Н. Грановского, „Пропилеи“, т. III, Собрание Сочинений, т. II). „Едва ли какой-нибудь народ, говорит, например, он об Афинах эпохи Перикла, достигал такого гармонического и всестороннего развития своих сил, какого достигли тогда афиняне; образование, которое обыкновенно бывает принадлежностью немногих, поставленных в особо выгодные условия, граждан, в Афинах было доступно всем и каждому и сделалось общим достоянием. Воспитание афинянина совершалось жизнью, а не в школе... Глаз его с детства привыкал к изящным формам пластической красоты, со всех сторон окружавшей его в памятниках искусства. Он воспитывался на речах великих ораторов, прислушивался к происходившим под открытым небом беседам философов, к толкам об искусстве, чувствовал и воспринимал красоты Эсхиловых и Софокловых трагедий“ (цитировано по статье Грановского в „Пропилеях“, т. III, изд. 2, М. 1858 г., стр. 173). Итак, художники, выдающиеся ораторы, мыслители, поэты — вот кто с точки зрения Нибура являлись не только творцами античной культуры, но и истинными воспитателями и

руководителями народной массы. Столь же исключительное место отводится личному элементу и в обзоре политической истории. Оценка исторических событий заменяется оценкой деятельности отдельных личностей. Фемистокл создал силу и могущество Афин (там же, стр. 169 — 170), Периклу обязаны они своей славой в качестве центра просвещения и искусства (стр. 175 и след.). Роковой исход Пелопоннесской войны, а вместе с тем и судьба всей афинской демократии ставится в исключительную зависимость от личности Алкивиада (стр. 185 — 186). Излишне, конечно, говорить, что Нибура интересует исключительно политическая история, экономическая и социальная стороны для него совершенно не существуют.

Нибур не был специалистом по истории Греции. Его лекции по истории древности, значительнейшую часть которых составляет история Греции, являлись скорее импровизацией на тему, нежели собственно плодом научной работы. Нельзя того же сказать о его современнике Георге Гроте, посвятившем изучению жизни древней Греции более двух десятилетий и являющемся таким же основоположником научного критического изучения древней греческой истории, каким Нибур был для истории Рима. Однако, и История Греции (History of Greece) Грота при всех своих достоинствах все же несвободна от тех же недостатков и слабых сторон, какие отличают собою лекции Нибура. Правда, у него более внимания уделяется истории политических учреждений, правда, его интересуют уже не столько судьбы отдельных личностей, сколько судьбы афинской демократии, однако, и он в развитии политических, в частности демократических, учреждений значительное место точно так же отводит прежде всего личному элементу, причем экономическая и социальная стороны не только не принимаются во внимание, но и остаются совершенно неосвещенными. Таким же обзором прежде всего политических событий является и современная труду Грота „История Эллинизма“ Дройзена. Если в программе дальнейшей, оставшейся невыполненной, части своего труда Дройзен предполагал осветить и другие стороны эллинистической культуры, то для явлений экономической и социальной жизни в его программе одинаково не нашлось места.

Так обстояло дело в половине прошедшего столетия, но и позднее в течение еще нескольких десятилетий сохранялось то же неисторическое, ненаучное отношение к изучению древности. Исследователи древности все еще продолжали страдать своего рода историческим дальтонизмом, все еще продолжали видеть в древних греках людей особой породы. Вышедшая первым изданием в шестидесятых годах и затем не раз переиздававшаяся „Греческая История“ Курциуса отличается таким же благоговейным отношением к древним грекам, как и аналогичные труды предшествовавшего времени. Достаточно прочесть его характеристику отличительных свойств греческой нации (в начале первого тома), чтобы убедиться в этом.[2] Изложение ведется все время в приподнятом, почти эпическом тоне. По выражению позднейшего исследователя (Виламовица), „Греческая История Курциуса — это в сущности не столько исторический труд, сколько панегирик, вышедший из-под пера восторженного поклонника античного мира и античной красоты. Наряду с политической историей исключительное место уделяется истории искусства и литературы, напротив, вопросы экономической и социальной жизни затрагиваются лишь попутно и мимоходом и то лишь поскольку речь идет о греческой колонизации и об условиях распространения греков в области Средиземного моря. Вся последующая часть экономической истории Греции

[2] Вот эта характеристика: „Окруженные со всех сторон освежающим морским воздухом, греки имели перед всеми народами, жившими с ними под одной широтой преимущество физического здоровья и красоты форм... Изящное сложение считалось естественным выражением здорового и правильно развитого духа... Никогда ни один народ не отделялся от других пародов более определенно и резко и не держался в отношении их столь горделиво, как эллины. Телесные формы были выражением духовного мира. Природная любовь к свободе и самостоятельности, живое сознание человеческого достоинства сказывались и в статности осанки, отличавшей эллинов от варваров и как бы предопределявшей одних к господству, других к повиновению... С любовью к свободе связана идеальная черта, проходящая через весь характер эллинов и выразившаяся в любви к искусству“ (История Греции, т. I, перевод А. Веселовского, М. 1876, стр. 21).

остается, таким образом, почти неосвещенной, существеннейшие вопросы относительно организации торговли и промышленности совершенно не затрагиваются.

И Курциус далеко не последний представитель такого одностороннего отношения к древности. В „Культурной истории Греции“ (Griechische Kulturgeschichte) Буркгардта, в сочинениях Виламовица и других новейших филологов, мы все еще встречаемся с пережитками того же идеализированного представления о древнеэллинской культуре. Преимущественный интерес попрежнему продолжали привлекать к себе политическая и духовная жизнь греков. Буркгардт ставит себе задачей проследить развитие эллинского типа в различные эпохи. Тэн в своих знаменитых лекциях об искусстве исследует причины и условия возникновения греческого искусства. Фюстель де Куданж в „Гражданской общине древнего мира“ задается целью выяснить условия возникновения политических учреждений древности. При всем разнообразии целей, приемов, результатов исследования общей чертой, сближающей всех названных авторов, является полное игнорирование с их стороны явлений экономической и социальной жизни. Но допустим, что эта общая черта об’ясняется специальными целями исследования. Однако, обращаясь к общим трудам по истории Греции позднейшего времени, к трудам Дункера, Гольма, Бузольта, Низе, мы и здесь находим такой же преимущественный интерес к событиям политической жизни и такое же более или менее полное игнорирование условий материального экономического существования. Наконец, и в многочисленных руководствах к греческим древностям, которыми так богата в особенности немецкая ученая литература, не исключая и самых новейших из них, экономическая жизнь остается точно так же совершенно неосвещенной. Так, и в новейшем, вышедшем всего несколько лет назад под редакцией Герке и Нордена, издании „Einleitung in die Altertumswissenschaft“ (недавно вышло новое издание) экономическая и социальная жизнь древности обходится совершенным молчанием.

Подводя итоги, мы можем сказать, что вопросы материального существования древних греков до самого недавнего времени большинством исследователей оставлялись совершенно без внимания. В то время как политические события греческой истории рассказывались и разбирались десятки раз, в то время как каждый шаг политических деятелей рассмотрен и оценен со всех сторон и с различных точек зрения, в то время как каждая строка, каждый стих античных писателей, дошедших до нас, как известно, в большинстве случаев лишь в случайных отрывках, изучены до последних мелочей, чуть ли не до последней буквы, факты и явления экономической и социальной жизни почти не привлекали к себе внимания и, еслибы не труды немногих исследователей, о которых сейчас пойдет речь, быть может, и до сих пор оставались бы для нас совершенно темными и неясными. Но такое игнорирование важнейших сторон исторического процесса в свою очередь не могло не отразиться на конечных результатах исследования. Картина получалась не только односторонняя, не только неполная, но зачастую и совершенно извращенная, благодаря суб’ективной оценке отдельных исторических событий и деятелей. Древние греки продолжали пародировать исключительно своей показной стороной, в то время как закулисные, но тем более действительные и существенные стороны их жизни попрежнему оставались скрытыми от взоров исследователей. Естественно, что при таких условиях оказывалась невозможной ни беспристрастная и свободная от всякого суб’ективизма оценка античной жизни и культуры, ни понимание основных моментов и движущих причин ее развития. Одностороннее и в большей или меньшей степени суб’ективное отношение к предмету исследования препятствовало, таким образом, его полному освещению, а неполнота картины, получавшейся в результате такого одностороннего освещения, в свою очередь способствовала упрочению сложившихся традиционных представлений о греках и Греции. Насколько это действительно так, насколько, действительно, суб’ективизм в отношении исследователей к древности коренился в ограничении заданий исследования, об этом лучше всего может свидетельствовать пример первого же исследователя, который решительно порвал с заколдованным кругом, в каком вращалось изучение древности, и

первый приступил к и следованию той, в буквальном смысле, terra incognita, какую представляла до него область экономической истории древней Греции.

Я говорю об Августе Беке. Родился он в 1785 г. и был, следовательно, младшим современником Нибура. (род. в 1775 г.) и старшим Грота (род. в 1795 г.), и на целое поколение старше Дройзена и Курциуса. Первоначально и он отдал дань времени, и он начал с увлечения Платоном, трагиками, Пиндаром, и он одно время находился под обаянием древне-греческой жизни и культуры, полную картину которой и задумал изобразить в сочинении под заглавием Hellen. Но такая полная картина греческой жизни не должна была являться, по мнению Бека, простым собранием материала, а трудом исследователя, хорошо ознакомившегося со своим предметом. Изложению целого должно было предшествовать изучение частей. И Бек приступает к такому предварительному изучению и начинает его, вопреки господствовавшей традиции, именно с изучения области экономической жизни. Результатом такого изучения и явилось его знаменитое исследование о государственном хозяйстве афинян (Die Staatshaushaltung der Athener). „Дух“, замечает он во введении к этому сочинению, „нуждается помимо доблести для своей внешней деятельности и в материальных силах и средствах, приобретаемых за деньги“ (B. I. S. 1, 3-го издания). И вот он задается вопросом о том, чем питались древние афиняне, каковы были цены на с'естные припасы, каковы были источники богатств частных лиц, о положении народной массы, о государственных финансах, о доходах и расходах афинского государства.

Итак, Бек первый решился заглянуть за кулисы греческого мира, первый приоткрыл завесу, скрывавшую повседневную будничную жизнь древних греков. И при таком первом же соприкосновении с действительностью туман рассеялся и мираж исчез. „Целью я поставил себе истину“, говорит Бек, „и не сожалею, если безусловное почитание древних должно быть умерено, ибо оказывается, что, где они касались золота, там и к их рукам приставала грязь. Или история прошлого должна писаться только для воодушевления юношества? Должен ли исследователь скрывать, что и тогда, как теперь, все под солнцем было несовершенно“ (B. I. S. 2, 3-го издания). Жизнь древних греков предстала перед исследователем в своем настоящем свете, и со свойственной ему проницательностью Бек сумел дать ей надлежащую оценку. „Только односторонность и поверхностность, говорит он, видит в древности всюду идеалы... Всмотритесь внутрь эллинской жизни, государственной и семейной: вы найдете даже у самых благородных племен глубокую нравственную порчу, проникающую до мозга костей народа... Эллины в блеске искусства и в расцвете свободы были несчастнее, чем большинство думает: они носили гибель в самих себе, и дерево должно быть срублено, когда оно стало гнилым“ (B. I, S. S. 710—711 3-го издания).

Из всех последующих исследователей ни один не подошел так близко к истине, как это удалось Беку в приведенных немногих строках. И такое проникновение в самую сущность древне-греческой жизни, такое поистине гениальное прозрение, обнаруженное при этом Беком, представляется тем более удивительным, что оно имело место свыше ста лет назад, в пору наибольшего увлечения и наибольшей идеализации античного мира. Вступив на правильный путь, Бек, так сказать, увидел издали конечную цель этого пути. И если бы дело ограничилось только этим, и в таком случае имя Бека, как имя первого исследователя, вступившего на правильный путь, заслуживало бы почетного упоминания в летописях науки. Однако, Бек не только первый вступил на верный путь, но и положил прочное основание для последующего изучения экономической истории древней Греции. Если мы не найдем в его сочинении полной характеристики и полной законченной картины афинского хозяйства, если он и ограничивается по преимуществу разработкой частных вопросов, т.-е. выполнением той предварительной работы, которая, по его собственным словам, должна предшествовать изложению целого, то в этом отношении его труд до настоящего времени представляется незаменимым. „Государственное хозяйство афинян“ содержит в себе ряд специальных экскурсов и исследований по вопросам афинского государственного и частного хозяйства (о ценах, о заработной пате, о высоте процента, о финансовом управлении, о

расходах, о доходах, обычных и чрезвычайных, об афинских союзниках), которые не только не утратили значения, но и до сих пор должны полагаться в основу всякого исследования (1-ое издание вышло в 1817 г., 2-ое — в 1851 г., 3-е — под редакцией и с дополнениями Френкеля в 1886 г., почти 20 лет спустя по смерти Бека — 1867 г.).

Беку же принадлежала и первая мысль об издании греческих надписей и непосредственное редактирование первых двух томов знаменитого Corpus Inscriptionum Graecarum. Он является, таким образом, основателем эпиграфики, науки, дающей, рядом с произведениями афинских ораторов, необходимейший материал при изучении экономической жизни древности. Уже исследование самого Бека основано прежде всего именно на эпиграфическом материале. Второй и третий тома его „Государственного хозяйства“ посвящены специальному исследованию и разбору эпиграфических данных, касающихся афинского союза и морского дела в Афинах.

Нельзя сказать, чтобы Бек совершенно не нашел продолжателей, однако, все, что появлялось в этой области, в течение долгого времени ограничивалось либо простой сводкой материала, как, например, работы Гюльльмана по истории греческой торговли (Griechische Haudelsgeschichte, 1839) и Валлона о рабстве в древности (Histoire de l'esclavage dans l'antiquité, 1843), либо немногими специальными исследованиями, касавшимися отдельных сторон и деталей экономической жизни. Таковы работы Бюксеншютца (Besitz und Erwerb im griechischen Alterthume, Die Hauptstätte des Gewerbefleisses im klassischen Alterthume) и Блюмнера (Gewerbliche Thätigkeit der Völker des klassischen Alterthums, 1869, ср. его же Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste, 1875), посвященные прежде всего вопросам торгового развития и обозрению главных центров и предметов торговли и промышленности, Риденауера и Фробергера (Riedenauer, Handwerk und Handwerker in den Homerischen Zeiten, Erlangen 1873; Frohberger, Handwerk und Fabrikwesen im alten Athen, Vierteljahrschrift für Volkswirtschaft, Politik und Kulturgeschichte, XIII Jahrgang, Berlin 1876, 2 Band, S. S. 70—92) о ремесле в древней Греции. Труды Бюксеншютца и Блюмнера вышли в самом конце шестидесятых годов, небольшая книжка Риденауера и статья Фробергера в семидесятых годах. К тому же времени относится и исследование русского ученого Куторги об „Общественном положении рабов и вольноотпущенников в Афинской республике“ (вошло в посмертное собрание сочинений, изд. Пантелеева, т. I, Спб., 1894 г.).

Единственную попытку в описываемое время дать общую картину экономического развития древней Греции представляет вышедшее в 1859 году сочинение некоего Фредегара Моне под тяжеловесным заглавием: „Система законов развития общества, народного хозяйства, государства и культуры греческого народа, хронологически представленная от ахейского переселения до падения ахейского союза и эллинских государств“, т. 1 (на немецком языке). Однако, содержание этой книги, бедное ценным материалом и богатое в то же время парадоксальными и малообоснованными мнениями, далеко не соответствовало ее претенциозному названию, и она прошла, поэтому, совершенно незамеченной.

Первая, заслуживающая внимания характеристика экономической жизни древности вышла из под пера не историков-специалистов, а экономистов. Но если исследователи-экономисты и свободны были от традиционного увлечения античностью, за то рисуемая ими картина хозяйственных условий древности, в частности древней Греции, являлась не столько плодом специального изучения, сколько одним из звеньев в общем схематическом обзоре последовательных ступеней экономического развития. При таких условиях она, естественно, оказывалась не только суммарной и неполной, но и в значительной мере суб'ективной. В своих появившихся в начале шестидесятых годов „Взглядах на народное хозяйство с исторической точки зрения“ (Ansichten der Volkswirischaft aus dem Geschichtlichen Zeitpunkte, Leipzig, 1861) Рошер касается, между прочим, и „национального хозяйства классической древности“. Различая в ходе экономического развития три последовательные ступени: именно, 1) ступень, соответствующую преобладанию в процессе производства природных данных — природы, 2) человеческого труда и, наконец, 3) капитала, Рошер относил всю древность вместе с начальным периодом средневековья ко второй ступени. Экономическая

жизнь древности ставилась таким образом Рошером на одну доску со средними веками, причем соответственно такому взгляду и оценка ей давалась низкая. Рошер не признавал в древности наличности никаких явлений, которые напоминали бы хотя бы в отдаленной степени современный капитализм.

Около того же времени, в шестидесятых годах, выступил со своей известной теорией ойкосного хозяйства Родбертус. Ему принадлежит ряд статей, главным образом, относительно хозяйства древнего Рима в Jahrücher für Nationaloekonomie 1864 и сл. (Zur geschichte der agrarischen Entwickelnng Roms unter den Kaisern 1864 [II], Zur geschichte des römischen Tributsteuern seit Augustus, 1865 [IV — V] и 1867 [VIII] и др.), об'единенных затем в один сборник под общим заглавием „Исследования в области национальной экономии классической древности" (Untersuchunngen auf dem Gebiete der Nationaloekonomie des klass. Altertums, есть русский перевод во „Временнике Ярославского Демидовского Лицея" 1881 — 1887 г.). И для Родбертуса, как для Рошера, античное хозяйство представляет собою ступень развития, предшествовавшую средним векам, отделяющим его от современности. В истории экономического развития он видит прежде всего последовательное параллельное развитие двух основ современного капиталистического хозяйства, капитала и наемного труда. С этой точки зрения античное хозяйство — чисто натуральное, домашнее, „ойкосное", как называет его Родбертус (от греческого слова ойкос), хозяйство, основывающееся прежде всего на подневольном рабском труде. Это всецело замкнутое хозяйство без капитала и без обмена. Единственным способом извлечения дохода является землевладение и единственный вид дохода — рента, натуральный доход, получаемый с земли. Следующая ступень, начало которой Родбертус относит еще к римской императорской эпохе, характеризуется, с одной стороны, обособлением капитала и вместе с этим выделением и обособлением земельной ренты от дохода, приносимого собственно капиталом, с другой же стороны, развитием полусвободного колоната и отношений крепостной зависимости из рабского труда. Завершением этого процесса и является возникновение современного капитализма, основывающегося на противоположности капитала и свободного наемного труда и образующего третью ступень развития. Итак, согласно взгляду Родбертуса, в основе экономической жизни древности лежит замкнутое автономное хозяйство семьи — ойкоса, обслуживаемое трудом рабов и не нуждающееся в обмене. Единственный источник существования и извлечения дохода представляет недвижимая земельная собственность. „В античном хозяйстве, — говорит он, — не существует еще противоположности между, земельной собственностью и собственностью капитальной (т.-е. денежным капиталом), между рентой с земли и рентой на капитал, так как в то время отдельные от земли отрасли промышленной деятельности представляли не более как исключение. Как недвижимая, так и движимая собственность об'единядись в одном общем домашнем богатстве, приносившем всю ренту, весь доход целиком" (Jahrbücherf. Nat. Oekon., IV, S. 344).

Дальнейшее развитие точки зрения Родбертуса представляет вышедшая лет тридцать спустя известная работа Бюхера „Возникновение народного хозяйства" [3](также его статья „Классификация форм промышленности" в Handwörterbuch der Staatswissenschaften). Построение Бюхера так же схематично, как и построение Родбертуса, хотя в основе его и положен другой принцип. Определяющим моментом в схеме экономического развития Бюхера является соотношение, существующее между производством предметов и их потреблением, длина пути, проходимого предметом от производителя к потребителю. Ступени развития, различаемые Бюхером, в общем соответствуют схеме Родбертуса. Первую ступень образует замкнутое домашнее хозяйство, производство для собственного потребления в чистой форме, хозяйство без обмена: 1) предмет потребляется в том же

[3] В 1920 г. вышла новая серия статей (Zweite Sammlung) Бюхера под тем же заглавием, однако, статьи этого нового сборника в большинстве касаются различных частностей и деталей современной экономики и не вносят никаких существенных изменений в созданную ранее Бюхером схему экономического развития. Сопоставлению схем Родбертуса и Бюхера посвящена специальная, в общем, впрочем, слабая и поверхностная брошюра Н. В. Первушина, Родбертус и Бюхер, Казань, 1922 г.

хозяйстве, в котором производится, 2) вторая ступень — городское хозяйство, или ступень непосредственного обмена, при котором предметы обмениваются непосредственно между производителями и, таким образом, из производящего хозяйства поступают непосредственно в хозяйство потребляющее, 3) ступень народного хозяйства или товарного обмена. Предметы производятся специально для обмена и в качестве товаров поступают на рынок, проходя при этом через целый ряд хозяйств, прежде чем достигнуть потребителя (стр. 82 русск. изд.). Первая ступень охватывает собою огромный период времени от начала цивилизации до второй половины средневековой эпохи, т.-е. приблизительно до начала второго тысячелетия нашей эры. Хозяйство античного мира целиком включается в эту первую стадию и является, таким образом, посредствующим звеном между начальными ступенями развития и средневековьем. Это прежде всего чисто натуральное хозяйство, хозяйство без обмена, при котором каждая отдельная замкнутая группа сама собственными средствами удовлетворяет всем своим потребностям. В древности, как и в средневековую эпоху, не существовало ни промышленности, производившей на рынок, ни торговли, не существовало, следовательно, и соответствующих классов". „Не существовало никакого народнохозяйственного разделения труда", говорит Бюхер, характеризуя хозяйство Греции, Рима, Карфагена, „а, следовательно, никаких профессий, никаких предприятий, никакого капитала в смысле запаса предметов, служащих только для извлечения дохода" (стр. 102 русск. изд.). „Нет деления на классы с самостоятельными профессиями, нет крестьян, нет ремесленников. Существуют только крупные и мелкие владельцы, богатые и бедные. В том случае, когда богатый вытеснял бедняка с его земельного участка, последний превращался в пролетария; безземельный, хотя бы и свободный гражданин лишен возможности пропитания, лишен возможности найти заработок, так как не существует предпринимательского капитала, который покупал бы труд за плату, не существует промышленности вне дома и домашнего замкнутого хозяйства" (стр.102).

Домашнее хозяйство античного мира характеризуется Бюхером совершенно теми же чертами, как и у Родбертуса. Это — исключительно натуральное замкнутое хозяйство семьи. С разложением первобытной родовой общины в рабстве не только найдено было средство уберечь замкнутое домашнее хозяйство с его обычным разделением труда от разрушения, но и дана возможность дальнейшего развития путем „расширения потребностей и облагорожения их", „ибо тем легче было приспособить работу дома к его потребностям, чем больше было количество принадлежавших к нему рабов или крепостных. Оказалось возможным обрабатывать большие площади земли целыми отрядами рабочих. Определенные технические работы, как, например, молотьба хлеба, печенье его, пряденье, тканье, изготовление орудий, уход за скотом можно было поручить отдельным рабам в качестве их пожизненного занятия, для которого они могли получить специальную подготовку. И чем знатнее был дом, чем богаче его хозяин, чем обширнее его хозяйство, тем разнообразнее и шире могла в нем развиваться техника добывания и обработка материала" (стр. 88.)

Таково было хозяйство греческого ойкоса так же, как и римской фамилии. Никаких иных хозяйственных форм древность не знала. Как ранее род, так теперь семейная община совершенно поглощает собою всякое индивидуальное существование, всякую индивидуальную инициативу. „Индивидуальное существование исчезает", говорит Бюхер, „государственное право знает только семейные общины; оно регулирует отношение между отдельными домами, а не между отдельными людьми. То, что происходит внутри дома, его не касается" (стр. 84).

Если деньги и существуют, то не в качестве средств обмена (утверждение довольно странное, тем более для экономиста), а в качестве средств накопления ценностей и платежного средства (стр. 103), при уплате денежных штрафов, пошлин, возмещении убытков, для денежных подарков и т. п. (стр. 100). В 1901 году, в сборнике, посвященном Альберту Шеффле (Festgaben für Albert Schäffle, Tübingen, 1901) Бюхер поместил обширную статью „Zur griechischen Wirtscbaftsgeschichte", в которой, полемизируя с Белохом, пытался

доказать отсутствие в древней Греции сколько-нибудь развитой промышленности и торговли.

Точка зрения Родбертуса (Бюхера) в течение долгого времени являлась не только господствующей, но в сущности и единственной относительно условий экономической жизни древности. Такое исключительное господство теории, вышедшей из-под пера писателей-экономистов и основывающейся, как уже сказано, не столько на изучении фактического материала, сколько на предварительных схематических построениях, об'ясняется прежде всего тем обстоятельством, что соответственно-историческая наука, специально занимавшаяся исследованием древности, попрежнему продолжала игнорировать экономическую сторону античной жизни.

Девяностые годы прошедшего столетия оказались поворотным моментом в этом отношении. Как раз в 1893 году, в год выхода в свет книги Бюхера, сразу появились три крупные исторические работы, уделявшие экономической жизни древности специальное внимание, именно, первый том „Греческой Истории" Белоха, второй том „Истории Древности" Эдуарда Мейера, посвященный истории Греции до начала персидских войн (следующие тома III — V, вышедшие в 1901 — 1902 гг., доводят изложение до македонской эпохи), и первый том „Истории античного социализма и коммунизма" Пельмана. И характерно, что все три названные исследователя в своей оценке экономической жизни древности заняли позицию, диаметрально противоположную точке зрения, развитой в сочинениях экономистов.

В „Греческой Истории" Белоха вопросы экономической жизни занимают видное место. Здесь впервые дается полная картина экономического развития Греции. Изложение Белоха в большинстве случаев основывается на самостоятельном исследовании, причем многие стороны экономической жизни и экономические явления выделяются и освещаются им впервые. Выводы Белоха, как уже указано, решительно противоречат господствовавшей до того точке зрения. В противоположность Бюхеру, утверждавшему, что древность не знала совершенно ни торговли, ни промышленности и что вся ее экономическая жизнь замыкалась в хозяйстве ойкоса, Белох констатирует значительное развитие торговли и промышленности и образование крупных торговых центров. Во главе этого торгового движения (I, стр. 277 — 278) становится знать, и уже не землевладение и не домашнее хозяйство, а, именно, участие в торговле становится с этого времени главным источником ее богатства и влияния. „Ни Бакхиады в Коринфе, ни гиппоботы в Халкиде", говорит он, „не могли бы так долго удерживать власть в своих руках, еслибы они оставались только помещиками И не сделались бы вместе с этим судовладельцами, а знать небольшого и бесплодного острова Эгины была, повидимому, всецело обязана своим положением торговле" (стр.187).

Равным образом и в общем экономическом расцвете страны сельское хозяйство играло сравнительно второстепенную роль. Первое место принадлежало развитию торговли и промышленности. Сельское хозяйство само испытало на себе влияние новых условий. В связи с развитием торговли и денежного обращения Белох констатирует разложение и даже полное исчезновение натурального хозяйства, сопровождавшееся дроблением земельной собственности. Крупные земельные владения сохранились лишь во второстепенных и незатронутых торговым развитием греческих областях. Рабство получило широкое распространение, но не в ойкосном хозяйстве, не в качестве средства „уберечь замкнутое домашнее хозяйство" после разложения родовой общины, как полагал Бюхер, а в связи с развитием вывозной промышленности и с широким применением рабского труда прежде всего в целях изготовления предметов вывоза (т. I, стр. 179, 316, т. II, стр. 277).

Экономическая жизнь древности не стоит на одном месте, но развивается и развивается быстрым темпом. Городские центры V века „оставляют далеко позади себя все, что видел в этой области VI век" (т. I, стр. 318). Население Афин за первую воловину пятого столетия выросло с 20 т. до 100 т. (т. I, стр. 318). Так же быстро на западе растут Сиракузы (там же). IV век представляет собою еще более заметный прогресс по сравнению с V. Усиленная мобилизация земельной собственности, революция цен, развитие банкового дела,

рост пролетариата в связи с распространением рабского труда — таковы отмечаемые Белохом характерные явления экономической жизни Афин и других крупных торговых центров четвертого века. Помимо глав, посвященных экономическому обзору в общей истории Греции, Белоху принадлежит и ряд специальных статей и монографий, касающихся вопросов экономической жизни древности. Таковы его известное исследование о населении греко-римского мира (Die Bevölberung des griechisch-römischen Welt), появившееся еще за несколько лет до его Истории (1886 г.), и две позднейшие статьи на ту же тему в Zeitschrift f. Soc. Wissenschaft, 1899, Heft 7 — 9 и в Histor. Zeitschrift, 3-te Folge, XV 1913, — Die Volkszahl als Fahtor und Gradmesser der histor. Eutwicklung), затем о крупной промышленности в древности (Die Grossindustrie im AItertum, Zeitschrift f. Soc. Wiss. 1899, Heft 1, S. S. 18 — 26, есть русский перевод в журн. „Научное Обозрение“), о народном богатстве Аттики (Das Volksvermögen тон Attiha, Hermes XX (1885), S. S. 236 — 261) и относительности торгового движения в древности (Die Handelsbewegung im Altertum в Jabrb. f. Nat. Oeb. und Statistic, 1899).

Второй том „Истории Древности“ Э. Мейера, вышедший в том же 1893 году, как и история Белоха, доводит изложение только до эпохи персидских войн. Однако, полную картину экономического развития древнего мира Мейер дал уже спустя два года, в 1895 году, в докладе под тем же названием на с’езде немецких историков, докладе, имевшем своей непосредственной целью прежде всего опровержение точки зрения Родбертуса-Бюхера. К тому же вопросу возвращается Мейер и в публичных лекциях на тему о рабстве в древнем мире, читанных в 1898 году. Здесь специально выясняется роль и значение рабского труда в экономической жизни древности. Наконец, в 1901 — 2 г. г. вышли III — V тома „Истории Древности“, заканчивающие историю Греции, доводя ее до македонской эпохи.

Мейер специально выступает против точки зрения Родбертуса-Бюхера. Полемике с ними посвящены, как уже сказано, доклад на с’езде историков об экономическом развитии древнего мира и публичные лекции о рабстве в древнем мире. И в позднейших томах истории Мейера точно также встречаются неоднократно резкие выпады против ее авторов. Мейер начинает свои возражения с совершенно правильного указания на то, что нельзя видеть в историческом развитии единого непрерывного процесса. Из того, что в средние века, говорит он, господствует совершенно примитивный строй, заключают, что строй древней жизни неизбежно был еще более первобытен. В противоположность такому взгляду Мейер считает необходимым „самым энергичным образом указать на то, что историческое развитие народов, живущих у Средиземного моря, представляет два параллельных периода, что с падением древнего мира развитие начинается сызнова и что оно снова возвращается еще раз к тем первым ступеням, которые уже давно были пройдены. Древний мир, прибавляет он далее, погиб не вследствие какого-нибудь разрушительного внешнего переворота, а вследствие внутреннего разложения совершенно выработанной и вполне современной по своему существу культуры, умершей естественной смертью“ (Эк. разв., стр. 10). И вот, согласно этому взгляду, Мейер проводит параллель между развитием древнего мира и новых народов. Он находит у древних греков свой средневековый период, простирающийся от микенского (точнее, гомеровского. *А. Т.)* времени до эпохи городского движения, т.-е. приблизительно до VII столетия. Параллель со средними веками проводится до полного тождества. „Состояние, которое мы находим в Греции этого времени“, говорит он, „это состояние христианско-германского средневековья: резкое разграничение наследственных сословий, господствующее положение землевладельческой военной знати, все усиливающаяся зависимость крестьянства, начиная от смягченных форм крепостничества и подданичества до полнейшей закабаленности; затем хотя и свободное, но презираемое и мало развитое ремесло. Рабство играет экономически лишь весьма подчиненную роль, его распространенность и значение во времена Гомера и Господа едва ли более, чем во франкских государствах первой половины средневековья“ (Рабство в древнем мире, стр. 25).

Уже к этому средневековому периоду относятся зачатки греческой торговли, уже в это время владение землей и скотом начинает отступать на задний план перед богатством, приобретаемым торговлей. В Ионийских городах еще в восьмом столетии коммерческие интересы являются господствующими (Geschichte des Altertums, B. II, S. 366). Таким образом в эту начальную эпоху греческое хозяйство не представляет настоящего типа того замкнутого домашнего хозяйства, какое изображалось у Родбертуса-Бюхера, В дальнейшем развитие торговли приводит к полному разложению земельной собственности и к господству капиталистического класса, направляющего политику торговых городов по своему желанию (Gesch. d. Alt. III, S. 553).

Рабство, как на это указывал Белох, и по взгляду Мейера, развивается не в связи с потребностями ойкосного хозяйства, а в связи с развитием вывозной промышленности и с потребностью капитала в рабочих руках. „За небольшой капитал предприниматель покупает рабочую силу, которую он может обучить для своих целей и затем использовать до конца“ (Рабство, стр. 37, ср. Gesch. d. Alt., III, S. 550, Экон. развитие, стр. 31 — 32). Древнее рабство, по Мейеру, представляет полную аналогию с свободным наемным трудом, применяемым в капиталистической промышленности нового времени. Оно стоит с этим последним на одной линии, „оно выросло из тех же моментов“ (Рабство, стр. 26, ср. Gesch. d. Alt. III, S. 550). Исходя из этой точки зрения, Мейер отождествляет более значительные рабские мастерские древней Греции, занимавшие по несколько десятков рабов, с фабриками нашего времени (там же, стр. 41). Но, хотя рабский труд в древности и представлял „опасного, даже неодолимого соперника“ для свободного труда, однако, он не вытеснял окончательно этого последнего. Свободный труд, хотя и находившийся в самых печальных условиях, продолжает существовать рядом с рабским. Вопреки точке зрения Родбертуса, свободный труд, по утверждению Мейера, это не исторический преемник рабства, отграниченный от него долгим промежутком времени, но возникает одновременно в тот самый момент, когда и рабство начинает выступать в качестве экономически значительного фактора. „Оба они одного возраста, оба представляют лишь две различные и конкурирующие между собою формы, в которых пытается найти удовлетворение одна и та же экономическая потребность... Капитал испытывает нужду в дешевых и подвижных, освобожденных от естественно выросших отношений патриархального средневекового общества рабочих силах, которые он старается использовать в возможно полном об'еме. „Правовая форма имеет при этом второстепенное значение. Если при прочих равных условиях ему предоставляется свобода выбора, он предпочтет рабство“ (Рабство в древнем мире, стр. 43, ср. Экон. развитие, стр. 51, след.). Хотя рабский труд и не вытеснял всецело свободного труда, все же далеко не все свободные граждане вследствие конкуренции рабского труда могли найти себе работу. Рост безработного пролетариата связывается непосредственно с развитием рабской промышленности. „Рабский труд отнимал хлеб у множества свободных граждан, заставлял их проводить время в праздности и возлагал на государство нелегкую задачу так или иначе заботиться об их существовании“ (Рабство, стр. 42). В четвертом веке пролетариат представлял грозную силу, с которой приходилось считаться победоносному господствующему классу капиталистов (Gesch. d. Alt. **V,** S. 289).

Картина, рисуемая Мейером, еще более, нежели у Белоха, расходится с изображением ойкосного хозяйства в схемах Родбертуса-Бюхера. Не отсутствие обмена, а самое широкое развитие торговли, не отсутствие деления на классы, а резкое обособление классов капиталистов и пролетариев, рабский труд не для удовлетворения потребностей домашнего хозяйства, но для обслуживания нужд быстро развивающейся крупной промышленности, не замкнутое хозяйство ойкоса, но промышленные предприятия, приближающиеся к типу современных фабричных предприятий, — вот что, в противоположность Родбертусу-Бюхеру, находит в древней Греции Мейер. Естественно, что представленное в таком диаметрально противоположном освещении хозяйство древней Греции оказывается стоящим гораздо ближе к современному капиталистическому хозяйству, нежели к средневековой эпохе, с которой сближала его теория Родбертуса-Бюхера. И Мейер неоднократно

подчеркивает, именно, эту аналогию с новым временем. В своем докладе об экономическом развитии древнего мира он сопоставляет шестое и седьмое столетие в греческой истории по степени экономического развития с четырнадцатым и пятнадцатым столетиями нового времени, пятое с шестнадцатым (Экон. развитие, стр. 41). В вышедших позднее томах „Истории Древности“ он идет еще далее и находит в древней Греции полное развитие капитализма. „Политико-экономы“, читаем мы, например, в третьем томе, „неоднократно высказывались против допустимости распространения понятия капитала и капитализма на экономические отношения, существовавшие в древности, и прежде всего Карл Маркс (относительно Маркса такое утверждение не совсем справедливо: Маркс не только не отрицал существование торгового капитала, но, именно, его считал непосредственной причиной развития рабовладения в древности, совершенно согласно с самим Мейером, см. „Капитал“, т. III, стр. 265) и многие из его сознательных или бессознательных последователей, не говоря уже о фантазиях Родбертуса и Бюхера, изобретших античное ойкосное хозяйство и гордо щеголяющих своим незнанием основ всемирно-исторического развития. Кто не допускает применения понятия капитала в отношении античной жизни, тот, будучи введен в заблуждение отклоняющимися от действительности правовыми нормами, не в состоянии распознать истинную сущность хозяйственной жизни эпохи. В действительности Афины пятого и четвертого веков в такой же мере стояли под знаком капитализма, как Англия с восемнадцатого, Германии с девятнадцатого столетия“ (Gesch. d. Alt., III, S. 550). Грецию погубило перемещение торговых центров и отлив населения на Восток. То же самое случилось бы и с современной Англией, „еслибы она сразу потеряла свою руководящую роль в мировой торговле и промышленности и опустилась бы в положение второстепенной транзитной страны“ (Экон. развитие, стр. 57).

Белох рисует картину, существенно отклоняющуюся от схемы Родбертуса-Бюхера. Мейер, не ограничиваясь этим, проводит параллель между античным и современным капитализмом и самым резким образом подчеркивает расхождение своей точки зрения с „фантазиями“ Родбертуса и Бюхера. Еще далее по тому же пути идет Пельман в своей „Истории античного коммунизма и социализма“. Как показывает и самое заглавие (второе издание носит менее претенциозное название Geschichte der socialen Frage, 1912), Пельман ищет в древности не только параллели и аналогии для современного капитализма, но и общественных движений, близких по своему характеру и содержанию к современному социалистическому движению.

Принимая за основу определение капиталистического хозяйства, данное Кнаппом, согласно которому капиталистическое хозяйство есть хозяйство, производящее свои продукты для продажи на рынке и притом в таком количестве, чтобы от продажи их получался значительный доход (Knapp, Der Landarbeiter in Knechtschaft und Freiheit, S. 43 f., ср. русс. перевод в сборнике „История труда“: „Рабство и свобода в сельском труде“, стр. 216 — 217, цитировано на стр. 667, прим. 2), Пельман готов признавать проявление капитализма во всякой крупной собственности, приносящей доход. Уже в гомеровском крупном землевладельце, надзирающем за работами на поле и радующимся в сердце своим достаткам, он видит капиталиста в зародыше (стр. 348 — 349, ср. das Altertum und Gegenwart, S. 180). „Наслаждение достатком и наживой всюду чрезвычайно ярко выражается в эпосе“ (стр. 348). Достаточно крупному землевладельцу начать производить на рынок, и он становится капиталистом. Такое превращение землевладельческого класса в капиталистический начинается уже очень рано. Еще в гомеровские времена знатные люди сами предпринимают далекие плавания в целях торгового обмена (стр. 343). В дальнейшем это участие знати в торговле становится все более и более деятельным и непосредственным. С развитом торговли растет и жажда богатства, и знать мало-по-малу совершенно сливается „с тем классом, для которого промышленная и торговая спекуляция сделалась профессией“ (стр. 343).

Неизбежным последствием роста богатства среди общественных верхов является, как и в новое время, пауперизм и пролетаризация народной массы (стр. 345 след.). Пельман

подчеркивает глубокий классовый антагонизм, возникающий в результате такого распадения общества на имущих и неимущих. Он обстоятельно изображает перипетии классовой борьбы времени городской революции, т.-е. VII века, когда городское население впервые выступило против исключительного господства землевладельческого класса. Требование передела земель, выдвинутое неимущей крестьянской массой, Пельман „в качестве аграрного социализма“ отождествляет с требованиями современных социалистов. Правда, как он и сам признает, цели движения были чисто мелко-буржуазные, именно, не обобществление, а дробление собственности, но это не смущает Пельмана; ведь, замечает он, и некоторые современные социалисты высказываются в пользу мелкого производства в земледелии.

Дальнейший экономический прогресс изображается в виде развития настоящего промышленного капитализма. Пельман говорит о подчинении ремесла торговому капиталу и о развитии настоящей домашней промышленности (стр. 366 — 367). С течением времени, однако, все более дает себя чувствовать конкуренция рабского труда (стр. 367 и след.). Далеко подвинувшееся вперед разделение труда, доказываемое ссылкой на Ксенофонта (Киропедия, VIII, 2, 5), сделало возможным широкое применение рабского труда, так как отдельные специальные работы могли с успехом выполняться одинаково и с помощью менее доброкачественного рабского труда. Рабская промышленность характеризуется, таким образом, чертами мануфактурной промышленности нового времени (стр. 366 — 367). Конкуренция рабского труда ухудшала и без того печальное положение массы (стр. 367 и след.).

Растущее „полновластие денег“ сопровождается одновременным ростом пауперизма и недовольства в низах населения (стр. 377 и след., 386 и след.). Как ремесленное городское, так и крестьянское население одинаково разоряются, одинаково терпят от гнета капитализма. Между социальной и политической революцией демократического государства образуется, таким образом, противоречие. Социальное имущественное неравенство противоречит равенству политическому (стр. 391 и след.). Политическое равенство перестает удовлетворять низы населения. Они начинают стремиться к равенству не только в политических правах, но и в условиях материальной жизни. Политическая демократия, употребляя выражение Пельмана, перерождается вместе с этим в демократию социальную (стр. 319). В связи с этим начинается критика капиталистических порядков с чисто социалистической точки зрения (стр. 109 и след., 341). Раздаются требования обобществления. Возникают социалистические идеи (разбору их посвящен весь первый том). Насколько далеко при этом заходит Пельман в отыскивании во что бы то ни стало социализма в древности, можно видеть из того, что он даже в трактате „О доходах“, преследующем чисто меркантилистические цели повышения доходов и предлагающем с этой целью широкое использование труда общественных рабов, готов также видеть требование социалистического обобществления (стр. 407 и след.). В заключение изображается классовая борьба IV — III в. в. под громким названием „социальной революции“ (стр. 451 след.) и, как результат этой революции, общий упадок страны (стр. 488 след.). Наконец, и в римском завоевании, в „великом политическом кризисе нации“, видную роль, по мнению Пельмана, сыграло социально-демократическое, как он его называет, движение (стр. 490).

В сближении античного и современного хозяйства, в модернизации общеэкономических условий древности Пельман, как видим, идет еще далее Мейера. Он признает не только полное развитие капитализма в древности с сопутствующими ему явлениями пауперизма и пролетаризации, но и наличность социалистической критики капиталистических порядков и развитие широкого социалистического движения, вполне аналогичного современному. Мало того, в главе, посвященной результатам общественного движения в древней Греции, можно видеть как бы прогноз и относительно конечных результатов современного социалистического движения. „Необходимо прежде всего, читаем мы в предисловии, дать новое изображение античной жизни, изображение, которое нарисовало бы античный мир до самых глубин потрясаемым и волнуемым теми же жизненными вопросами, которые до сих пор занимают каждого порядочного человека и

частью еще ждут своего разрешения“. И Пельман почти не проводит границы между античностью и современностью. Явлениям античной жизни и свидетельствам древних памятников он дает распространительное толкование, переплетая в то же время свое изложение полемическими замечаниями по адресу современных общественных течений, так что при чтении его „Истории античного коммунизма и социализма“ не раз приходится задавать себе вопрос, имеешь ли дело с действительно историческим исследованием или же с публицистическим произведением на современные общественные и политические темы. Ту же задачу проведения параллелизма между явлениями античной и современной жизни преследует и сборник статей под характерным заглавием Aus Altertum und Gegenwart (1-ое издание 1895 г.; 2-ос — 1911 г.).

О пробуждении интереса к экономической жизни древности свидетельствует, помимо разобранных трудов Белоха, Мейера, Пельмана, и появление, начиная с девяностых годов прошедшего столетия, целого ряда исследований, посвященных различным сторонам античного хозяйства. Одно за другим следуют исследования французского ученого Гиро о поземельной собственности (Guiraud, La propriété foncière en Grèce, Paris, 1893) и о промышленности в древней Греции (La main d'oeuvre industrielle dans 1'ancienne Grèce, Paris, 1900, ср. его же Etudes economiques sur l'antiquité, Paris, 1905), обширная работа Франкотта, посвященная вопросу об организации промышленности в древней Греции (L'industrie dans la Grèce ancienne, Bruxelles, 1900, два тома), исследование итальянского ученого Чиккотти о причинах развития и исчезновения рабства в древности (Il tramento della schiavitù nei mondo antico, Tur., 1897, немецкий перевод в издании „Vorwärts'a“ — Der Untergang der Sclaverei im Altertum, Berlin, 1910). На ту же тему о рабстве в древности есть также статьи Cauer'a в Neue Jarhbücher f. d. klass. Altertum, 1899 и Waszynski, Hermes, XXXIV (1899), ср. также названные выше исследования М. С. Куторги), затем работа другого итальянского ученого Сальвиоли об античном капитализме (Le capitalisme dans le monde antique, trad. français, Paris, 1906, в 1922 году вышел русский перевод: Капитализм в античном мире, Харьков — Екатериносолав), наконец, исследование английского ученого Циммерна о греческой городской общине (Cimmern, the greek commonwealth, Oxford, 1911), дающее картину политической и хозяйственной жизни Афин. Следует упомянуть также содержательную статью М. Вебера Agrargeschichte в Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 3 Auflage, Band I, Jena, 1909 (в скором времени в издании Сабашниковых должен выйти русский перевод) и „Историю торговли в древности“ Шпека (Speck, Handelsgeschichte des Alterthums, B П, Griechen, Leipzig, 1901), хотя и чисто компилятивную, но дающую довольно полную сводку материала работу. Общий обзор литературы, касающейся экономической истории древности можно найти в статье Besnier, Récents travaux sur 1'hist. économique de 1'antiquité gr. et romaine (Journal des savants, 1910, Novembre). У нас на первом месте среди исследователей экономической жизни древности следует поставить М. М. Хвостова, хотя и исследовавшего главным образом экономическую жизнь греко-римской эпохи, именно, греко-римского Египта, но написавшего несколько статей, посвященных и экономической истории Греции: „Сисахтия Солона и разложение евпатридского землевладения“ („Филолог. Обозр“, 1897 г.), „Изучение экономического быта древности“ („Ж. М. Н. Просв“, 1900 г., июнь), „Хозяйственный переворот в Спарте“ (Записки Казанского Университета 1901 г., ноябрь), „Развитие форм промышленности в древнем мире“ (там же, 1913 г., январь).

Если работы Белоха, Мейера, Пельмана самым решительным образом разошлись с господствовавшей до того схемой Родбертуса-Бюхера, то дальнейшие исследования, в свою очередь, внесли значительные поправки в их собственные взгляды, частью же выдвинули совершенно новые точки зрения. У последующих исследователей мы в большинстве случаев уже не встречаемся более с той склонностью к модернизации античной экономической жизни, которая столь заметно выступает у всех трех названных историков. Напротив, нередко дается очень низкая оценка и характеристика экономической жизни древности, приближающаяся скорее к точке зрения Родбертуса-Бюхера, нежели к взглядам Мейера и Пельмана.

Уже у Гиро отмечается сохранение натурального хозяйства во многих знатных домах, пользовавшихся трудом домашних рабов, причем самое это хозяйство изображается чертами, близкими к характеристике ойкоса у Родбертуса-Бюхера (Main d'oeuvre, p. 63). Еще последовательнее низкая оценка экономической жизни древней Греции проводится в исследовании Франкотта о греческой промышленности. Индустрия была развита слабо, и даже в Афинах ее значение отступало перед значением землевладения и торговли. Роль торговли сводилась преимущественно к доставлению греческой знати предметов роскоши — ценных восточных тканей так же, как благовоний и пряностей. Из Греции вывозились преимущественно вино и оливковое масло, вывоз же собственно промышленных изделий был крайне ограничен (I, p. 133 —158). Еще в четвертом веке земледельческое хозяйство сохраняло первенствующее значение в экономической жизни. В судебных процессах и имущественных спорах этого времени чаще всего идет речь о земельных владениях, напротив, собственно индустриальные предприятия встречаются крайне редко (I, p. 187, suir.). Тоже преобладающее значение сельскохозяйственной деятельности находило себе отражение и в предпочтении, оказываемом земледельческому труду перед трудом промышленным (I, p. 256). При таких условиях естественно, что и натуральное хозяйство сохранило всю свою силу еще в историческую эпоху, причем, вполне согласно с точкой зрения Бюхера, момент, способствовавший сохранению крупного натурального хозяйства, Франкотт точно так же усматривает прежде всего в рабстве. Именно, рабство, позволявшее удовлетворять самым разнообразным хозяйственным потребностям, и составляло, по мнению Франкотта, главный тормоз к переходу Греции от замкнутого домашнего хозяйства к более совершенным формам экономической жизни (I, 285—289). Рабство же составляло и в области промышленности сильную конкуренцию свободному труду, конкуренцию, имевшую тем более тяжелые последствия, что промышленность вообще развита была слабо, а, следовательно, и поле для конкуренции не было обширным (II, p. 3 suir., 28 — 29). В промышленности преобладал, поэтому, труд метэков и рабов над трудом граждан (I, p. 214). Большая часть населения вынуждена была, благодаря этому, жить подачками от государства.

Гиро и Франкотт — авторы специальных исследований: замечания, касающиеся общего характера экономической жизни древней Греции, даются ими мимоходом. Полная характеристика этой последней не входит в их задачу. Напротив, Циммерн в своем вышедшем в 1911 году исследовании „The greek commonwealth, politics and economics in V century Athens" задался специальной целью дать полную картину жизни Афин V столетия. Циммерн — лектор политико-экономической науки, он скорее, таким образом, экономист, нежели историк, и, именно, экономической стороне в его исследовании уделяется наибольшее внимание. Главный источник заблуждений современных историков Циммерн усматривает в их склонности к модернизации древности, в применении по отношению к древней Греции современных методов и современных идей и в игнорировании различия условий античной и современной жизни. Показать это отличие древней жизни от современной и составляет главную цель автора. Бедность и ограниченность жизни, отсутствие какого-либо комфорта и удобств — вот в чем Циммерн, вопреки Пельману, видит главное отличие жизни древних греков от нашей. Финансы древних Афин Циммерн называет парохиальными — приходскими, методы финансового управления — детскими (p. p. 211 — 212). Греческие города вели замкнутую обособленную жизнь (p. p. 218 — 219). Торговля была развита слабо и ограничивалась ввозом предметов роскоши и необходимого хлеба (p. p. 308 f., 344 f.). Торговой конкуренции не существовало также, как не существовало и большого числа торговцев (p. 314), не было и значительных капиталов. Более значительные денежные средства скоплялись лишь в распоряжении правящих учреждений и организаций (p. 304). Преимущественное значение в экономической жизни сохраняло земледельческое хозяйство: греческая цивилизация, городская по внешности, основывалась на земледелии и на сельском хозяйстве (p. p. 223 — 224, 252). Самодовлеющее домашнее хозяйство являлось единственной естественной формой хозяйства в глазах древних греков (p. 252, 268 — 269).

Преобладающим видом хозяйства было, впрочем, не крупное, а мелкое крестьянское хозяйство. Крупное землевладение вообще отсутствовало в Греции (p. 225 f.).

Картина, нарисованная Циммерном, в общем дополняет и завершает те очертания, тот абрис, который намечался уже в исследованиях Гиро и Франкотта и далеко отходит от преувеличенного изображения чисто капиталистического хозяйства, с каким мы встречаемся в работах Мейера и Пельмана. Низкую в общем оценку экономической жизни древней Греции находим мы и в небольшом очерке М. Хвостова, посвященном вопросу о развитии форм промышленности в древнем мире (Записки Казанского Университета, 1915 г., январь). По мнению Хвостова, экономическая жизнь древней Греции почти не прогрессировала. „В классической Греции (вторая половина VI стол.), говорит он, существенные изменения в организации промышленности заключаются в увеличении числа промышленных центров и в увеличении количества промышленников. Резкого же различия в формах промышленности сравнительно с гомеровской эпохой не бросается в глаза. И здесь преобладающее место занимало ремесло и тяготеющие к нему формы“ (стр. 5). Однако, рядом с ремеслом, Хвостов сам отмечает развитие рабской мануфактуры и на основании обширного вывоза ремесленных изделий заключает о существовании в Греции также и домашней промышленности, основанной на свободном труде. Обе эти формы промышленности предполагают наличность капитала. Более значительные капиталы образовались, однако, лишь в торговле и в горном деле. Вообще крупные частные капиталы не являются типичными для этой эпохи (стр. 5 — 6). Даже попытки городских правительств выступить в роли капиталистов-предпринимателей, преимущественно в области торговли (IV — III в. в.), также в большинстве случаев не имели сколько-нибудь устойчивого успеха (стр. 7).

Наконец, и в других исследованиях, так или иначе затрагивающих вопросы хозяйственной жизни древней Греции, мы встречаемся скорее с низкой, нежели с высокой ее оценкой. Так, в исследовании Грунди о Фукидиде и его времени (Grundy, Thucydides and the history of his age, 1911) главным стимулом всей внешней политики Афин и других греческих городов считается не торговля и не торговый интерес, как это признают Белох и, в особенности, Мейер, но преимущественно забота о снабжении населения недостающим хлебом.

Совершенно особую позицию по вопросу об экономическом развитии древнего мира занял итальянский ученый Чиккотти в своем исследовании об исчезновении античного рабства (1897). Чиккотти специально интересуют судьбы рабства и рабского труда в древнем мире, однако, попутно дается общая картина хозяйственной жизни в древности. Подобно Родбертусу, и Чиккотти видит в рабстве определенный этап, определенную ступень развития. Однако, вопрос о значении рабства получает у него совершенно иное освещение. „Отличительным свойством античной экономии в целом и, в особенности, в первые ее периоды служит соединение средств производства и труда в одном лице, безразлично, в лице ли отдельных производителей или в производстве при посредстве рабов: производитель, по крайней мере в начале, производит для собственного потребления и для потребления своей семьи. В экономии нового времени, по крайней мере, в ее наиболее развитых формах, средства производства и труд оказываются разделенными, и продукт вместе с этим получает характер товара, т.-е. уже не предназначается для потребления самого производителя. Рост производительных сил, обусловливающий развитие одних хозяйственных форм из других, точно так же устранил и рабство. Рабство в результате ясно и определенно выступающего в данном случае диалектического процесса само подготовило свой конец путем собственного роста и расширения“ (S. 32 издания „Vorwärts“).

Первоначальное накопление богатства и рабство обусловливают одно другое, и развитие их совершается, поэтому, одновременно и в непосредственной связи одно с другим. Обратной стороной процесса накопления является пролетаризация и экспроприация массы населения. В то же время и капитал из своей первоначальной формы торгового капитала превращается постепенно в капитал промышленный, индустриальный. Но раз явились, таким образом, на свет, с одной стороны, капитал, с другой, пролетариат, „эти оба элемента

производства, сотрудники и противники в одно и то же время“, рабство вместе с этим утрачивало смысл своего существования и было устранено. Рабство античного мира должно было бы служить, таким образом, непосредственной переходной ступенью к промышленному капитализму нового времени. Вторжение германцев и разрушение ими Римской империи нарушило, однако, правильный и естественный ход этого процесса. Германцы принесли с собою примитивные нравы и вместе с этим возвращение к примитивным условиям жизни, в частности к крепостному труду (S. 33). „Возрастание числа рабов и их влияние на хозяйственную жизнь, возникновение пролетариата и его экономические и политические функции, развитие торгового капитала, конкуренция свободного и рабского труда, первые образования кредита и индустриальных предприятий — вот верстовые столбы пути, ведущего к новой уже не на рабстве основанной хозяйственной форме“ (S. 34). Такова общая схема экономического развития, какую дает Чиккотти в начале своего исследования. Здесь не место входить в критический разбор ее, и потому я ограничусь лишь указанием на статью Каутского (Die Sclaverei und Kapitalismus в „Neue Zeit“, 1911), посвященную специальному критическому разбору книги Чиккотти.

Дальнейшее изложение в книге Чиккотти должно служить иллюстрацией и обоснованием данной в начале схемы. Первоначальное натуральное хозяйство гомеровского времени основывалось не на рабстве, а на крепостном труде (S. S. 36 — 39). Рабство растет вместе с развитием торговли и денежного хозяйства(S. S.35,39 f.). Рабы попрежнему немногочисленны в домашнем хозяйстве, но за то тем значительнее число рабов, занятых в промышленности, продукты которой постепенно вытесняют господствовавшее до того домашнее производство (S. 49). Одновременно с рабством быстро подвигается вперед и процесс пауперизации и пролетаризации населения. Меры, предпринятые Солоном, имели лишь временное значение и не могли вырвать зла с корнем (S. 40 f.). Процесс пролетаризации продолжался и в последующее время, с особой быстротой совершался он в четвертом веке в результате потрясений вызванных Пелопоннесской войной (S. 63). Благодаря развитию ремесла, с одной стороны, и быстрому росту пролетариата, с другой, свободный труд уже рано начинает конкурировать с рабским (S. 50 f., 53 f.). Рабский труд оттесняется все более и более, особенно с четвертого столетия, когда одновременно с ускорением процесса пролетаризации число рабов в результате Пелопоннесской войны в то же время сразу значительно сократилось с тем, чтобы уже никогда не подниматься более на прежнюю высоту. Рабский труд находит применение еще только в горном деле, да в некоторых специальных отраслях промышленности (S. S. 56 — 57, 73, 91 f.). Положение рабов улучшается, отношение к ним смягчается (S. 81 f.). Но вместе с этим исчезает и последний стимул к использованию рабского труда, именно возможность более безграничной эксплоатации по сравнению со свободным трудом (S. 89 f.). Случаи отпущения рабов на волю все учащаются, и рабство постепенно отмирает и исчезает (S. 101 f.).

Рабство, таким образом, и у Чиккотти, как у Родбертуса, образует ступень развития, предшествующую современному капиталистическому производству, основанному на свободном наемном труде, однако, этим и ограничивается все сходство. Крепостной труд не сопровождает, а, напротив, предшествует рабству. Рабский труд не только не является опорой домашнего хозяйства, но как раз представляет первый шаг по пути развития капитализма и в то же время разрушения натурально-хозяйственных отношений. В изображении Чиккотти античный мир не только не рисуется нам застывшим в экономических формах ойкосного хозяйства, а, напротив, вплотную подходит к формам современного капиталистического производства. По своему общему взгляду на экономическую жизнь древности Чиккотти, таким образом, стоит гораздо ближе к точке зрения Мейера и Пельмана, нежели к схеме Ротбертуса-Бюхера. Взгляды Чиккотти занимают как бы среднее место между этими двумя крайними точками зрения.

Не буду останавливаться на книге другого итальянского исследователя, Сальвиоли, о капитализме в античном мире (Le capitalisime dans le monde antique, Paris, 1906), по своим выводам приближающегося к точке зрения Франкотта и Циммерна, и на интересной статье

М. И. Ростовцева („Капитализм и народное хозяйство в древнем мире“ — „Русская Мысль“, 1900 г. март), обнаруживающего скорее наклонность к модернизации, так как выводы обоих этих авторов покоятся прежде всего на данных древне-римской, а не греческой хозяйственной жизни.

В заключение остается сказать о сравнительно недавно, почти накануне войны, вышедшей книге Герлиха „История и теория капитализма“ (Gerlich, Geschichte und Theorie des kapitalismus, на нее есть рецензия И. М. Кулишера в „Научном Историческом Журнале“, 1914г., № 2). Герлих ставит себе целью проследить судьбы капитализма в различные эпохи в Вавилоне, в Греции, в эллинистических государствах, в Риме, в средние века и в новое время. Поставленной цели ему, однако, достичь не удается прежде всего уже просто потому, что в основу своего исследования он кладет совершенно неправильное и, во всяком случае, неполное определение капитализма, как „стремления к наживе и обогащению“. Исходя из такого упрощенного понимания капитализма, он отрицает всякую периодизацию и прежде всего деление всего процесса экономического развития на капиталистическую и докапиталистическую эпохи. Стремление к обогащению и к наживе существовало во все времена, следовательно, всегда существовал и капитализм. Герлих отрицает равным образом и технические преимущества нашего времени. Разделение труда и обусловливаемое им повышение производительности точно так же не представляет чего-либо нового. Герлих находит только два отличия в современном капитализме от капитализма предшествовавших эпох, именно: 1) большая уверенность в достижении цели, благодаря лучшей осведомленности с изобретением телеграфа и с улучшением других способов сообщения и передачи известий, 2) то обстоятельство, что, говоря его собственными словами, „в настоящее время применяются тела не только для производства других тел, но и для производства сил“, т.-е., в переводе на обычный язык, в использовании производительных сил природы. Герлих не замечает при этом противоречия с другим своим утверждением — об отсутствии технических преимуществ нашего времени. Но если вообще заметного различия не существует между капитализмом нашей и предшествовавших эпох, то в области торговой деятельности, не пользующейся услугами естественных наук, это различие сходит совершенно на нет. И вот Герлих пытается доказать тождество техники торговых и кредитных операций во все времена, начиная с древнего Вавилона и кончая современной эпохой. В частности, и в древней Греции он усматривает полное развитие капитализма, причем изображение экономической жизни Греции основывается у него не на непосредственном знакомстве с источниками, а на произведениях современных историков, прежде всего тех из них, которые обнаруживают склонность к модернизации древности, именно, Мейера, Белоха, Пельмана.

Из научных явлений последнего времени можно отметить на русском языке две вышедшие в 1916 году работы: Богаевского — „Очерк земледелия Афин“, специальное исследование о технике древнеаттического земледелия, и Железнова, — „Экономическое мировоззрение древних греков“. Наконец, в 1920-1922 гг. в издании Петроградского отделения Государственного издательства вышли мои „Очерки экономической и социальной истории древней Греции“. В западноевропейской научной литературе почти одновременно появился ряд специальных монографий, посвященных вопросам античной техники (Neubürger, Die Technik des Altertums, 1919, Dils, Antike Technik 1920, Glotz, Le travail dans la Grèce ancienne, 1920), В статье Hasebroek'a (Zum griechischen Bankweseu der klassischen Zeit, Hermes, Band LV, Heft 2) исследуется техника банкового дела в Греции.

Заканчивая на этом обзор изучения экономической жизни древней Греции, мы можем теперь подвести итоги, как видим, в общем довольно мало утешительные. Если до самого конца прошедшего столетия экономическая жизнь древней Греции не привлекала к себе внимания исследователей, и изучение ее после ценных, но оставшихся совершенно одинокими исследований Бека почти не подвигалось вперед, за то последнее десятилетие прошедшего столетия и начало нынешнего столетия, напротив, изобиловали как специальными исследованиями, так и общими обзорами и характеристиками античной

экономики. Однако, такое обилие исследований в интересующей нас области, способствуя выяснению многих частностей и деталей, в то же время не только не привело к более ясному и определенному пониманию и истолкованию основного характера и сущности античной экономики, а, напротив, в виду резкого и нередко диаметрального расхождения во взглядах между исследователями имело своим последствием еще большую неясность и спутанность наших представлений об экономической жизни древней Греции.